

Чат прямой трансляции запестрел оживлёнными комментариями. Популярность стрима мгновенно взлетела до небес, и индивидуальный платёжный терминал Шу Сюня вновь засыпало щедрыми подарками.

Находясь внутри игрового мира, Е Цзянь и Шу Сюнь не видели происходящего на экране. Малыш даже не подозревал, что его показывают в прямом эфире. В спешке запрыгнув в миску, он вдруг осознал, что оказался лицом к лицу с Е Цзянем — слишком близко, непозволительно близко! Шу Сюнь, до этого судорожно цеплявшийся за край деревянной доски, выпустил её, шлёпнул пухлой лапкой великана прямо по носу и изо всех сил попытался оттолкнуть его от себя.

Ощув на носу щекочущее прикосновение крошечной лапки, Е Цзянь всё же уступил желанию пушистого комка и отстранился.

Шу Сюнь, вырвавшись из лап опасности, облегчённо перевёл дух. Однако холодное лицо Е Цзяня и его пронзительный, острый взгляд не давали расслабиться. Стоило малышу вспомнить, что этот невозмутимый тип только что выпил воду, в которой он мылся, как его охватила гамма противоречивых чувств. Он долго возился, сердито сопел и наконец, не выдержав, выпалил:

— Это вообще-то моя помывочная вода была! И чё ты мне сделаешь?!

Е Цзянь с деревянной миской в руках продолжал изображать каменное изваяние.

На мгновение в чате воцарилась гробовая тишина, а затем его буквально разорвало от шквала сообщений. Экран заполнился летящими комментариями.

— Наш Бог Ночи выпил чужую баню!!!

— Скриньте, ребят, это история! Эй, Бог Ночи, какова водичка на вкус?

— Пушок в опасности, беги!

— Ахахаха... Вода из-под мыша!

— Какая странная у мелкого манера речи. Похоже на какой-то древний диалект. Есть тут лингвисты? Просветите!

— Помывочная вода... Помывочная вода... Вода из-под мыша...

Вся трансляция оказалась погребена под лавиной шуток про мыльную воду.

Е Цзянь по-прежнему сохранял каменное выражение лица, хотя в глубине души, похоже, закипал.

В пустом бревенчатом домике воцарилась звенящая тишина. Степень неловкости момента превысила все мыслимые масштабы.

В конце концов Е Цзянь вернул деревянную миску на столик. Затем он неторопливо протянул руку и двумя длинными пальцами аккуратно подцепил Шу Сюня за шиворот, приподняв в воздух.

Короткие лапки малыша заболтались в воздухе, но тщетно — противостоять силе великана он не мог. Оказавшись в подвешенном состоянии, Шу Сюнь решил не терять достоинства: он забавным жестом скрестил крошечные ручки на груди и нацепил маску полного безразличия.

На самом деле в его голове судорожно проносились обрывки унаследованной памяти предков:

[Мышь-искатель сокровищ — баловень судьбы, несущий в себе великую удачу. Редчайший духовный зверь. Встретить его — благословение небес; съесть его — укрепить собственную судьбу; создать из него духовные пилюли...]

Холодный пот мгновенно выступил на крошечном лбу. Комок сглотнул подступивший к горлу ком и украдкой покосился на великана, отведавшего его «бульона», пытаясь угадать его намерения. Но лицо Е Цзяня оставалось всё таким же бесстрастным, разве что во взгляде сквозило лёгкое недоумение.

Недоумение? Проследив за направлением его глаз, Шу Сюнь понял, что тот разглядывает его рюкзачок.

Малыш облегчённо выдохнул. Извернувшись всем телом, он перетянул рюкзак со спины на живот, запустил туда лапку и выудил тонкую палочку шоколада. Помахав ею перед лицом гиганта, он запричитал на своём забавном говоре:

— У меня тут еда есть! Честно-честно, жуть какая вкусная! Гляди!

Чат взорвался дружным хохотом. Любого зрителя рассмешил бы этот шоколадный батончик размером с зубочистку, едва достигавший сантиметра в длину. Попытка задобрить грозного великана столь крошечным подношением выглядела невероятно умилительно и глуповато.

Шу Сюнь изо всех сил таращил свои огромные, полные искренности глазки, надеясь убедить собеседника, что эта микроскопическая штучка — настоящий деликатес.

Под этим умоляющим взглядом Е Цзянь, сохранив каменную мину, медленно протянул руку и раскрыл ладонь прямо перед пухлой лапкой Шу Сюня.

Поняв намёк, Шу Сюнь без колебаний опустил шоколадку на широкую ладонь и, надув щеки, уставился на мужчину в ожидании дегустации.

Едва шоколадный батончик покинул пухлую лапку, как тут же вернулся к своему нормальному размеру. Под пристальным взглядом малыша Е Цзянь в пару укусов расправился с угощением. Причём сделал это настолько быстро, что даже не подумал опустить Шу Сюня на землю.

Проглотив сладость, великан с тем же невозмутимым видом вновь раскрыл ладонь.

Вздохнув, Шу Сюнь вытащил из рюкзака жестяную баночку с напитком. Он надеялся, что ради открытия банки его наконец отпустят, но не тут-то было. После того как мужчина одной рукой сорвал обёртку с шоколадки, малышу выпала честь лицезреть, как тот одним пальцем эффектно вскрывает жестяную крышку.

Осушив банку, Е Цзянь вновь требовательно протянул руку. Шу Сюнь обречённо надул щёки, глядя на широкую ладонь, но послушно достал пачку печенья. Однако мужчина и не думал убирать руку — он продолжал выжидающе смотреть на него. Малышу пришлось выложить вторую пачку. Взгляд великана не изменился. Так повторилось ещё несколько раз. Доставая очередную коробку, Шу Сюнь с надеждой поднимал голову, пытаясь разглядеть хоть какую-то эмоцию на лице Е Цзяня, но наткнулся лишь на абсолютное равнодушие.

В конце концов на ладони великана образовалась целая гора припасов. Сам же Шу Сюнь судорожно прижимал к груди последнюю коробку — своё любимое печенье со вкусом персика, никак не желая с ним расставаться.

Зрители в чате подняли невообразимый вой. Все были поражены наглостью и беспардонностью Е Цзяня. Хотя до этого многие шутили, что малыша нужно обобрать до нитки ради поддержания брутального образа, при виде несчастного пушистика, судорожно обнимающего персиковое печенье, аудитория мгновенно переметнулась на его сторону.

— Великий Е! Ты же так всех подписчиков растеряешь, одумайся!

— Да отпусти ты его уже, он сейчас расплачется!

— Ха-ха-ха, достижение «Разбой на большой дороге» разблокировано. Награда: один затисканный и ограбленный пушок!

Е Цзянь, разумеется, не видел гневных комментариев. Но то ли в нём внезапно проснулась совесть, то ли несчастный вид Шу Сюня сыграл свою роль, он всё же сжалился и сгреб добычу. К великой скорби малыша, все отобранные сладости бесследно исчезли в глубоких карманах великана.

Шу Сюнь тут же подметил любопытную деталь: одежда этого человека с виду ничем не

отличалась от его собственной, однако карманы явно обладали эффектом пространственного сжатия, прямо как его рюкзачок. Видимо, подобные хранилища в игре не ограничивались сумками, или же существовал способ зачарования обычной одежды.

Пока он размышлял, его крошечные босые лапки непроизвольно потирали друг друга. В спешке запрыгнув в миску с водой, он умудрился намочить ноги по самые колени. Без согревающей формации сырость и холод быстро дали о себе знать, и его бесшёрстные ступни начали заметно розоветь.

Вдруг его тело плавно опустилось. Шу Сюнь опомнился и обнаружил, что теперь он сам — вместо печенья — устроился на широкой ладони великана. Стоило холодным подошвам коснуться чужой тёплой кожи, как малыш испуганно замер.

«Неужели этому проглоту мало еды и он решил закусить мной? — панически забились мысль в его крошечной голове. — Может, зря я зажал персиковое печенье? Не поздно ещё отдать?!»

Ощувив приятную прохладу и почти невесомую тяжесть на своей ладони, Е Цзянь остался крайне доволен. Он уже занёс руку, собираясь пересадить пушистый комок в нагрудный карман, как вдруг почувствовал, что ноша потяжелела. Взглянув вниз, он увидел, что малыш с непередаваемой надеждой в глазах протягивает ему ту самую заветную пачку персикового печенья.

Е Цзянь на секунду замешкался, а затем с привычным бесстрашием принял дар. Лицо его оставалось ледяным, но в душе разлилась тёплая волна гордости: «Надо же, какого щедрого питомца я себе присмотрел. Такой кроха, а уже делится самым лучшим!»

Узнай Шу Сюнь, о чём думает этот суровый тип, он наверняка перевернул бы стол от ярости. Однако для мыша это был первый опыт общения с человеком будущего, к тому же страдающим терминальной стадией эмоционального паралича. Считать хоть какую-то эмоцию с этого каменного лица было попросту невозможно.

Шу Сюнь обиженно скрестил лапки, наблюдая, как его любимое персиковое лакомство исчезает в чужих закромах. Не успел он опомниться, как огромные пальцы вновь подхватили его и аккуратно опустили в левый нагрудный карман куртки.

Повозившись и устроившись поудобнее, Шу Сюнь понял, что этот карман был самым обычным и не обладал эффектом сжатия пространства. Малыш впал в лёгкий ступор, совершенно не понимая, что происходит и в какой роли он теперь выступает.

Тем временем в чате стрима творилось настоящее безумие: зрители наперебой слали поздравления и подарки.

— Наш великий Бог Ночи наконец-то нашёл напарника? Скажите, что да!

— Да какое там, он просто решил завести себе карманного сыночка!!!

— Ахаха, только сейчас дошло! Е Цзянь же тогда раскрыл ладонь, чтобы сам пушок на неё прыгнул! А тот перепугался и начал закидывать его печеньем!

— О боже, хочу видеть лицо мелкого, когда он узнает правду!

— Бедный пушистик, связался с этим суровым типом. Даже не знаю, радоваться за него или сочувствовать! Но парочка просто бомбическая!

— Кажется, наш суровый Бог Ночи втайне без ума от милых зверушек!

— Поздравляем великого Е с обретением карманного талисмана!

— С прибавлением в семействе!

Вцепившись пухлыми ручками в край нагрудного кармана, заторможенный Шу Сюнь наконец-то осознал очевидное: великан не выказывал к нему враждебности. Даже инцидент с «бульоном» не вызвал у того приступа ярости. Малыш тоскливо покосился на соседний правый карман, словно пытаясь взглядом прожечь плотную ткань куртки и отыскать там своё драгоценное персиковое печенье.

Однако Е Цзянь намёка не понял. Пребывая в полной уверенности, что обзавёлся на редкость щедрым и покладистым напарником, он с чувством глубокого удовлетворения откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза, погружаясь в полудрему.

Шу Сюнь наблюдал за спящим великаном. Черты лица мужчины казались утомлёнными, однако резко очерченный разлёт бровей придавал ему опасный, воинственный вид даже во сне. Хищная аура никуда не исчезла, поэтому искушать судьбу лишний раз мышонок не решался.

Прошло некоторое время. Великан дышал ровно и глубоко, никак не реагируя на копошение в нагрудном кармане. Шу Сюнь в раздумьях потерел шёрстку на макушке, взвешивая шансы на побег. Он тоскливо посмотрел на дверь, затем на спящего мужчину. Чтобы проверить надёжность его сна, малыш протянул лапку и сквозь ткань робко потыкал великана в грудь. Тот даже не шевельнулся.

Глубоко вздохнув, Шу Сюнь ухватился за край кармана и осторожно полез наружу. Несмотря на свою пухлость, комок оказался на редкость проворным. Цепляясь за пуговицы и складки ткани, он аккуратно сползал вниз. До мягкой обивки дивана оставалось совсем немного. Наметив траекторию, мышонок разжал лапки и совершил прыжок.

Шу Сюнь мысленно приготовился спружинить на мягком сиденье, но в самый последний момент прямо под ним бесшумно раскрылась огромная ладонь. Не успев затормозить, малыш с

мягким шлепком приземлился точно в раскрытую ладонь Е Цзяня.

Вздрыгнув, Шу Сюнь поднял голову и тут же встретился взглядом с бездной чёрных, лишённых эмоций глаз. Короткий отдых пошёл великану на пользу: его взор обрёл прежнюю остроту, напоминая взгляд пробудившегося хищника.

Пока Шу Сюнь судорожно соображал, что делать дальше, великан бережно приподнял ладонь повыше и протянул к нему мизинец. Сверху раздался глубокий, слегка хрипловатый от сна голос:

— Е Цзянь. Будем знакомы.

Мышонок забавно повёл глазками, взвесил все «за» и «против», после чего обхватил огромный мизинец двумя пухлыми лапками и изо всех сил солидно потряс его вверх-вниз:

— Шу Сюнь. Взаимно!

Чат прямой трансляции буквально завалило новыми сообщениями:

— Ой, прелесть какая! Я тоже хочу пожать лапку!

— Мизинчик наготове, жду своей очереди!

— Пожмите мне лапку! Пожмите!

Атмосфера на канале великого Бога Ночи незаметно, но стремительно покатилась куда-то совсем не в ту степь, и возвращаться к суровому выживанию, похоже, никто уже не собирался.

<http://bllate.org/book/20265/2134534>